

XX 461
I

Восточная
Библиотека
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№ 7

ИЮЛЬ
1944

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Старый САД

XLV-80

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

С тех пор, как отец Маши, Никита, ушёл на войну, в старом саду около бабушкиного дома дорожки и грядки позабыли крепкими лопухами и укропом, а крапива встала такой густой стеной и так жглась, что Маша боялась к ней подойти.

Бабушка Серафима только вздыхала, — где уж ей, старой, справиться с такими непокорными травами, деревьями и кустами!

В непролазной траве весь день копошились и гудели шмели. Иногда они вырывались из травы, с размаху налетали на Машу, с треском ударяли в лицо и со звоном подымались вверх, выше скворешни, — радовались, что напугали Машу. Но радовались они напрасно: в вышине, где всегда летал пух от одуванчиков, шмелям приходил конец. Там их хватало налету ловкие скворцы и тут же проглатывали. И ни один скворец даже не поперхнулся, хотя шмели были страшно мохнатые.

В бочке с дождевой водой у крыльца поселилась лягушка. Раньше из бочки брали воду поливать цветы, но теперь никто её не брал, и вода была застоявшаяся — тёплая и зелёная. Маша любила смотреть, как в этой воде шныряли какие-то водяные существа. Они были похожи на булавки с чёрными стеклянными головками. Такие булавки были воткнуты над бабушкиной кроватью в ковер.

Лягушка вылезала из бочки только вечером и сидела, отдуваясь, около крыльца, поглядывала на скворцов. Она их боялась.

Скворцы постоянно дрались с галками, а успокоившись, рассаживались в ветвях вековой липы и начинали изображать пу-

лемётный бой. От этого не только у лягушки, привыкшей к водяной своей тишине, но даже у бабушки разбалывалась голова. Бабушка выходила на крыльцо, стыдила скворцов, махала на них полотенцем. Тогда скворцы перебирались повыше и, помолчав, начинали показывать, как дровосеки с натугой пилят деревья, — это было ещё хуже, чем пулемётный бой.

Лягушка боялась ещё квакши — маленького древесного лягушонка с пухлыми лапками. Он сидел на ветке, таращил глаза и молчал. Кричал он редко, только перед дождём. Тогда всё в саду замолкало, и было слышно, как далеко за лесом погромыхивает небо.

Рыжий пёс Буйный залезал в будку, долго вертелся, уминал сено; вздыхал с огорчением: дождь был ему совершенно не нужен. Буйный был очень застенчивый пёс. При виде посторонних он тотчас лез в отдушину под домом, и оттуда его нельзя было выманить никакими силами. На все уговоры он только вилял хвостом и всё дальше отползал в темноту.

К бабушкиному саду начали подходить немцы. Тогда пришёл глухой старик Семён и выкопал в саду за сиренью большую яму. Семён копал, ругался на немцев, говорил Маше: «Чем глядеть, как я себе плюю на руки, яму копаю, ты бы пошла помогла бабушке сундук уложить. Закопаем мы его, запрягу я завтра Чалого, и поедем в Пролысово». — «А потом?» спрашивала Маша. «За Пролысово немец не пойдёт, — отвечал Семён. — Там наши ребята стоят, дальше немцу пути не будет».

Семён кончил копать, пошёл к колод-

цу, вытащил ведро воды, хотел напиться, но почему-то раздумал, позвал бабушку Серафиму, показал ей на ведро и сказал: «Гляди! Значит, и впрямь пора уходить».

Бабушка посмотрела на воду и покачала головой. Вода из колодца всегда была чистая, как стекло, а сейчас в ней плавали гнилушки, древесная труха и даже маленький гриб. Маша ничего не поняла. Бабушка Серафима объяснила ей, что земля тряслась и в воду со стенок колодца падало много всякого мусора. А раз земля тряслась—значит, где-то неподалёку шёл бой.

Вечером Семён закопал сундук с бабушкиными вещами—шалами, старым будильником, фотографиями, серебряными ложками и с самой любимой Машиной игрушкой—двумя большими деревянными петухами на дощечке. Один петух был чёрный, другой—красный, и оба они могли со стуком клевать зерно.

Наутро Семён приехал на Чалом, распряг его во дворе, привязал к телеге, пошёл в комнаты—попрощаться с домом.

Но попрощаться ему не пришлось. Мимо дома густо пошли наши бойцы—все в касках, пыльные, загорелые, веселые. Семён вынес к калитке ведро воды,

Маша принесла кружку. Бойцы останавливались, вытирали потные лица, пили и рассказывали, что немецкий фронт этой ночью прорван и немцы отходят, бросают пушки и автоматы и что теперь—очень свободно—можно выкопать обратно сундук и жить спокойно: нашу землю мы ничём немцам не отдадим.

Бабушка Серафима всё плакала, смотрела вслед бойцам на их выгоревшие пыльные спины, крестила их, как когда-то крестила Машиного отца, Никиту. Семён опять сердился, говорил: «Неправильное у вас понимание, Серафима Петровна. И от горя и от радости вы одинаково плачете. Никуда это, по-моему, не годится».

Потом над домом, над лесами начали летать серебряные самолёты. На них блестело солнце, и звон был такой, что шмели в саду перевернулись на спины и прикинулись мёртвыми со страха,—Маша знала эту их шмелиную хитрость.

Скворцы собрались на самой верхушке липы, возились там, сбивали липовый цвет, задрав головы, смотрели на самолёты и перешёптывались: «Да, да, наши!»

А на следующее утро во двор вошёл боец с перевязанной рукой, сел на крыльцо, снял каску, сказал:

— Разрешите передохнуть на солнышке раненому гвардейцу.

Бабушка позвала бойца в дом, к столу. Он прошёл, осторожно гремя сапогами, по комнатам, и сразу же запахло хлебом, полыньёю и чуть-чуть лекарством.

Боец всё извинялся, что крошит на пол,—ему трудно было есть одной рукой. Маша резала и подавала всё, что надо, бойцу, а бабушка возилась с самоваром, достала тёмный мёд в сотах, и боец, когда увидел мёд, даже вздохнул всей грудью,—ну и благодатный же мёд!

Буйный стоял за порогом, смущённо смотрел то на бойца, то на крошки на полу, но не решался подобрать эти крошки,—думал, должно быть, что это будет очень невежливо по отношению к бойцу.

После еды боец поблагодарил, снова вышел на крылечко, сел, закурил махорку. Синий дым поплыл над садом. Десятки паучков, что висели вниз головой на липе на своих паутинах, глотнув махорочного дыма, испуганно побежали вверх, сматывая паутину. Скворцы замолкли, смотрели на бойца то слева, то справа, потом начали щёлкать, пустили пулемётную очередь.

Боец заглянул в бочку, увидел шустрых булавочных зверей и лягушку, усмехнулся, сказал:

— Ишь, животные—шмыг да шмыг! А бочка у вас хорошая. Я сам и бондарь и ложечник из-под Горького, с реки Неи.

— А что это—ложечник?—спросила Маша.

Тогда боец вынул из-за сапога деревянную ложку, показал Маше. От ложки чуть пахло щами.

— Вот такие я ложки делаю,—сказал боец.—Режу из липы. А вот раскрашивать не могу. Раскрашивает их моя сестрёнка-трещотка, по имени Даша.

Бабушка пожаловалась бойцу, что вот сад весь зарос. Но боец этим не огорчился:

— Сад у вас даже очень приятный. Покуда ваш сын вернётся с фронта, он, сад этот, пущай отдохнёт. Земля и дерево тоже отдыхом нуждаются, скоплением сил.

На солнце было сонно, тепло. Из ступеньки на крылечке даже выступила липучая смола. Боец начал покачиваться, дремать. Бабушка хотела уложить его в комнате на диван, но боец ни за что не

согласился и попросил положить его, если возможно, на чердаке.

— Люблю спать на чердаках,—сказал он.—Иззябнешься, умаешься, а там сухо, от солнышка под крышей всё нагрето, в слуховое окошко ветер залетает.

Маша провела бойца на чердак. Там было свалено сухое сено. Боец постелил на него шинель, лёг. Тотчас из-за печной трубы вылетели тонкие осы и начали кружиться над бойцом.

Маша испугалась.

— Они вам спать не дадут,—сказала она.—Ужальт.

— Меня оса не тронет,—ответил боец,—потому что по случаю ранения от меня лекарственный запах. А чтобы скорее уснуть, у меня есть свой способ.

— Какой?—спросила Маша.

— Листья буду считать,—ответил, смеясь, боец.—Вон на той липе за слуховым окном. Насчитаю до ста и усну.

Маша засмеялась, попрощалась с бойцом и начала осторожно спускаться по скрипучей лестнице с чердака. В слуховое окно сладко тянуло отцветающей липой.

Когда Маша остановилась внизу лестницы, на чердаке уже слышался тихий храп, и осы успокоились, улетели за свою печную трубу.

Маша вышла в сад, посмотрела на липу и засмеялась,—разве можно сосчитать все её листья! Ведь их тысячи тысяч, их так много, что даже солнце не может пробиться через их гущину. Смешной этот боец!

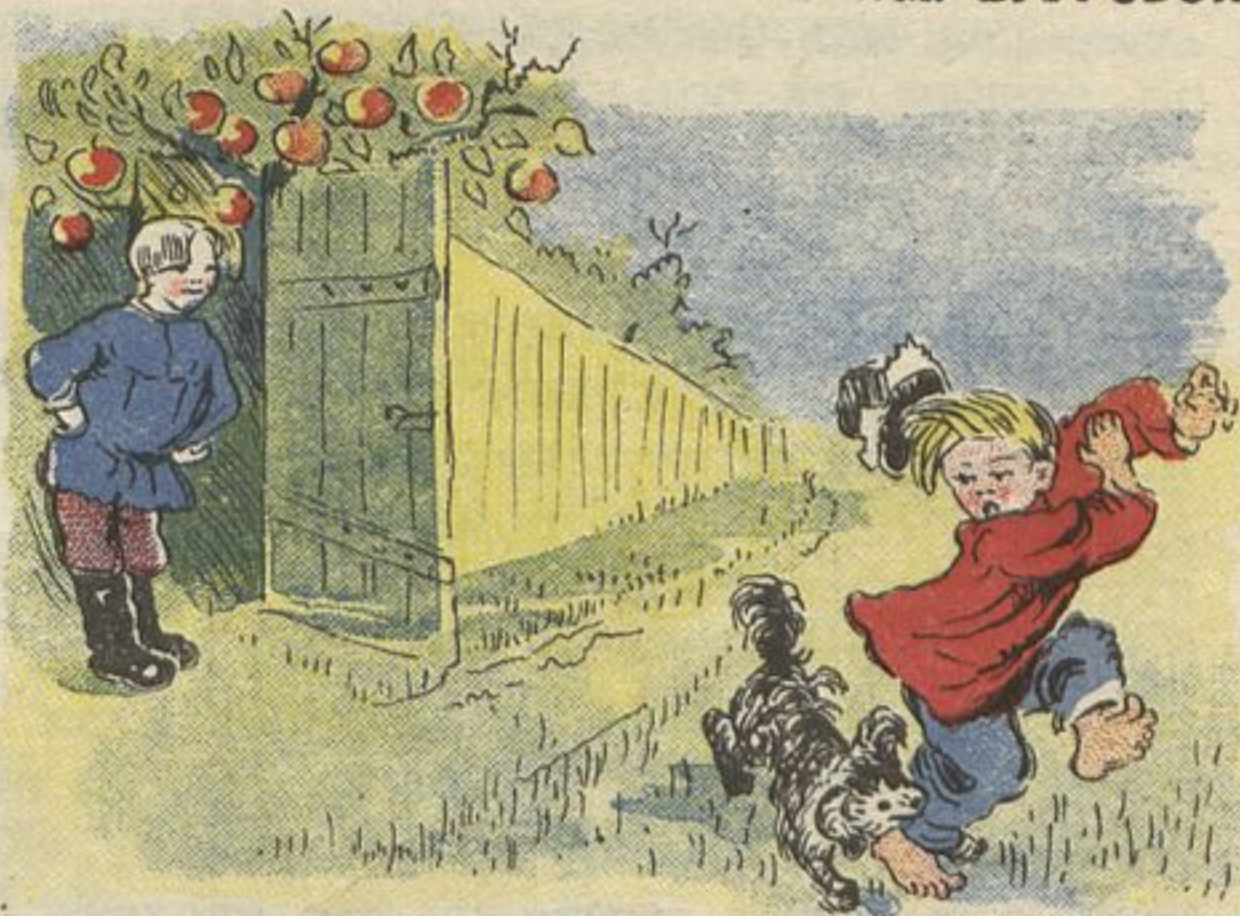
СКОРОГОВОРКИ

Н. КОНЧАЛОВСКАЯ

Козёл-мукомол
кому муку молот,
а кому не молот.
От того, кому
молот,
получал ватрушки.
От того, кому не молот,
получал колотушки.

Рис. М. БУТРОВОЙ

Прошкина шавка
Укусила Пашку.
Бьёт Пашка шапкой
Прошкину шавку.

Пересказ А. ПОКРОВСКОЙ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

КАК ДЕВКА ЧЕРНАВКА ОГОВОРИЛА СТАРОГО БОГАТЫРЯ ИЛЬЮ МУРОМЦА

Жаловал Владимир-князь своих богатырей дарами богатыми: кому дал город с пригородами, кому село с деревнями. Только старому Илье Муромцу подарил одну кунью шубу. Шуба Илье не в честь пришлась. Накинул он её на левое плечо да и пошёл на кухню княжескую. Стал он по кухне похаживать, шуба по полу за ним волочилась, а Илья приговаривал: «Как таскаю я шубу дарёную, так таскать бы мне Калина-царя за его кудри за жёлтые». Обливал Илья шубу зеленым вином; обливая, приговаривал: «Обливалось бы так ретиво сердце Калина-царя его кровью горячею».

Услыхала те речи девка Чернавка, побежала к князю Владимиру: «Илья-то Муромец таскал по кухне шубу дарёную, таскал да приговаривал: «Так бы мне таскать князя Владимира». Обливал шубу зеленым вином, обливал да приговаривал: «Так бы обливалось ретиво сердце князя Владимира его кровью горячею от моей руки белыя».

Князь Владимир тут разгневался. Приказал он своим богатырям схватить Илью Муромца и посадить в темницу подземную, загородить вход решёткою чугуною, заложить колодами дубовыми, засыпать песками жёлтыми.

КАК ИЛЬЯ МУРОМЕЦ САМ ПОШЁЛ В ТЕМНИЦУ ПОДЗЕМНУЮ

Собрались богатыри. Нет у них силы справиться со старым могучим Ильёй Муромцем. А Илья перед ними похаживает, сам над ними насмехается: «Что же вы, братцы, меня не хватаете, не сажаете в темницу подземную?» А богатыри ему: «Смилуйся над нами, Илья Муромец, не

предавай нас опале княжеской, не гневи против нас князя Владимира».

Жалко стало Илье Муромцу богатырей. Вывел он в поле чистое своего товарища верного, коня боевого, Бурушку косматого, и пустил его гулять на все четыре стороны, а сам пошёл в темницу подземную.

велел закрыть вход решёткой чугунною, заложить колодами дубовыми, засыпать песками жёлтыми.

Узнала супруга князя Владимира, княгиня Апраксия, что старый Илья Муромец сидит в темнице подземной. Испугалась она, как бы не умер он там с го-

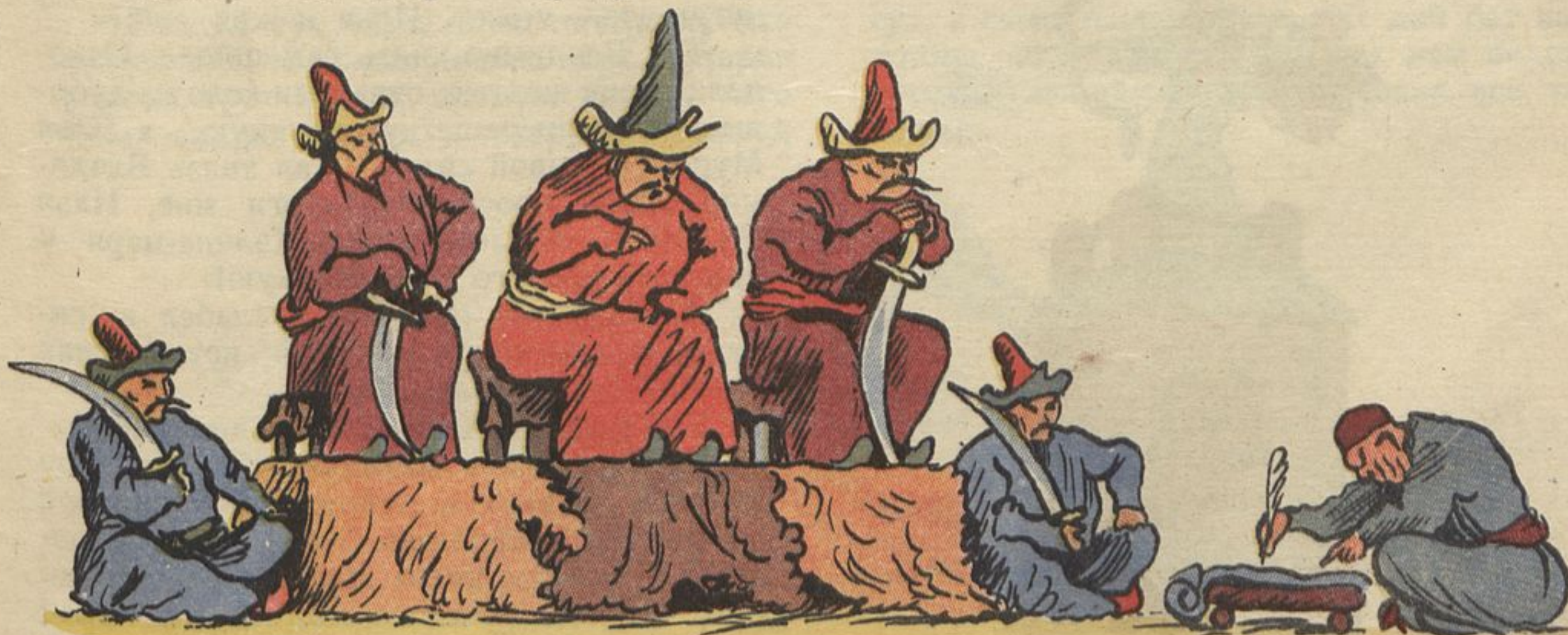
лоду. Велела своим слугам рыть подземный ход в ту темницу глубокую. А как вырыли слуги подземный ход к Илье Муромцу, стала она посылать ему с своего стола яства сахарные, питья медовые.

А Владимир-князь про то ничего не знал, не ведал.

КАК КАЛИН-ЦАРЬ НА РУСЬ ВОЙНОЙ ПОШЁЛ

Прослышал злой татарский царь Калин Калинович, что нет больше на Руси могучего богатыря Ильи Муромца. Собирал он силу великую: сорок царей со царевичами, сорок королей с королевичами, у каждого войска по три тысячи. Привёл злой Калин свою силу к городу Киеву.

Обступили татары Киев-град на сто вёрст. От пару от конского месяц и солнце померкнули. Садился Калин-царь на ремённый стул; по правую руку его сын сидит, по левую руку любимый зять сидит. Писал Калин-царь ярлык скорописчатый:

«Владимир, князь стольнокиевский, отдай ты мне Киев-град без боя, без драки великой, без напрасного кровопролития. Даю тебе сроку ровно три дня. А добром не дашь—силой захвачу. Киев-град дочиста разорю, тебя, Владимир-князь, в полон возьму».

Выбрал Калин-царь из своего войска татарина—ростом трёх сажён, промеж плеч у татарина косая сажень, голова у татарина с пивной котёл, пивной котёл со рока ведёр.

Посылал Калин-царь того татарина в Киев ко Владимиру. Въехал татарин на княжеский двор, коня не привязывал. Вбе-

жал во гридню княжескую. Князю Владимиру не кланяется. Бросил ярлык на дубовый стол.

Князь Владимир ярлык прочитывал. Опустил он свою голову. Не от кого обороны ждать: погиб Илья Муромец смертью голодной в темнице подземной. А прочих богатырей в Киеве не случилось. Да и силы у них такой не было. А войско татарское вокруг Киева стеной стоит. Нет ни проходу, ни проезду ни конному, ни пешему. На всех путях, на всех дорогах роют татары окопы глубокие, чтобы не проскочили богатыри к Киеву. А сроку дано только три денька.

КАК ВАСИЛИЙ-ПЬЯНИЦА УБИЛ САРТАКА, ЗЯТЯ КАЛИНА-ЦАРЯ

В то время случилась в Киеве беда неожиданная. Вышел из кружала Василий-пьяница. Вбежал он на башню стрельную, увидал силу татарскую, схватил свой тугой лук, наложил на тетиву стрелу перённую, прицелился в Калина-царя, а попала стрела в Сартака, царского зятя любимого: угодила ему стрела в правый глаз, и тут ему смерть приключилась.

Калин-царь опечалился да и прогневался. Посылал он в Киев-град второго посла с приказанием: «Выдайте мне вино-

ватого, кто убил моего зятя любимого. Даю вам сроку ровно три часа. А то Киев-град на щит возьму, перебью и старого и малого».

Тут Владимир-князь испугался. Пришла к нему княгиня Апраксия. Стала его уговаривать: «Есть у нас на Руси могучий богатырь Илья Муромец».

Отвечал княгине Владимир-князь: «Нет у нас больше Ильи Муромца: погиб он смертью голодною в темнице подземной».

А княгиня Апраксия говорила князю Владимиру: «Вели откопать пески жёлтые, отвалить колоды дубовые, снять решётку чугунную,—может, Илья и жив ещё?»

Тут Владимир-князь сам пошёл. Откопали пески жёлтые, отвалили колоды дубовые, подняли решётку чугунную,—а Илья Муромец живой сидит. Стал князь Владимир Илью просить: «Помоги мне, Илья Муромец, одолеть злого Калина-царя и прогнать всю его силу великую!»

А Илья ему отвечал: «Ослабел я, сидячи в темнице подземной, нет у меня больше силы богатырской».

Так князь Владимир ни с чем ушёл.

Тогда княгиня Апраксия собрала вдов и сирот, бедных и немощных и пошла с ними к Илье Муромцу. Стали они его просить: «Не ради князя Владимира, а ради всего народа русского защити Киев-град от злодея Калина-царя».

КАК ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ПОБЕДИЛ СИЛУ ТАТАРСКУЮ

Тут Илья Муромец выходил из темницы на белый свет, в поле чистое, свистнул молодецким посвистом. И подбежал к нему Бурушка, косматый конь. Садился Илья Муромец на Бурушку, ударял его плёткой по крутым бокам. Поскакал Бурушка к войску татарскому. На пути был первый ров шириною в пять сажён. Перескочил через него Бурушка. Второй ров шириной в десять сажён, и через него перескочил Бурушка. А третий ров, в двадцать сажён, как стал Бурушка перескакивать, не удержался Илья Муромец и упал на дно рва глубокого. Схватили его татары.

Тут Илья сердиться стал; говорил он Калину такие слова: «Отойди, собака, прочь от Киева, а то вам, собакам, живым не быть».

Такая речь Ильи Муромца Калину царю за беду стала. Плюнул он Илье в очи ясные, сказал: «Русский люд всегда хвастлив! Ты опутан весь, будто лысый бес, а сам стоишь да ещё хвастаешь! Ведите его во чисто поле, рубите ему буйну голову». Тут уж Илья во гнев пришёл, изорвал чембуры ремённые. Но нет у него коня верного, не допускают его до Бурушки. Нет ни палицы богатырской, ни меча булатного!

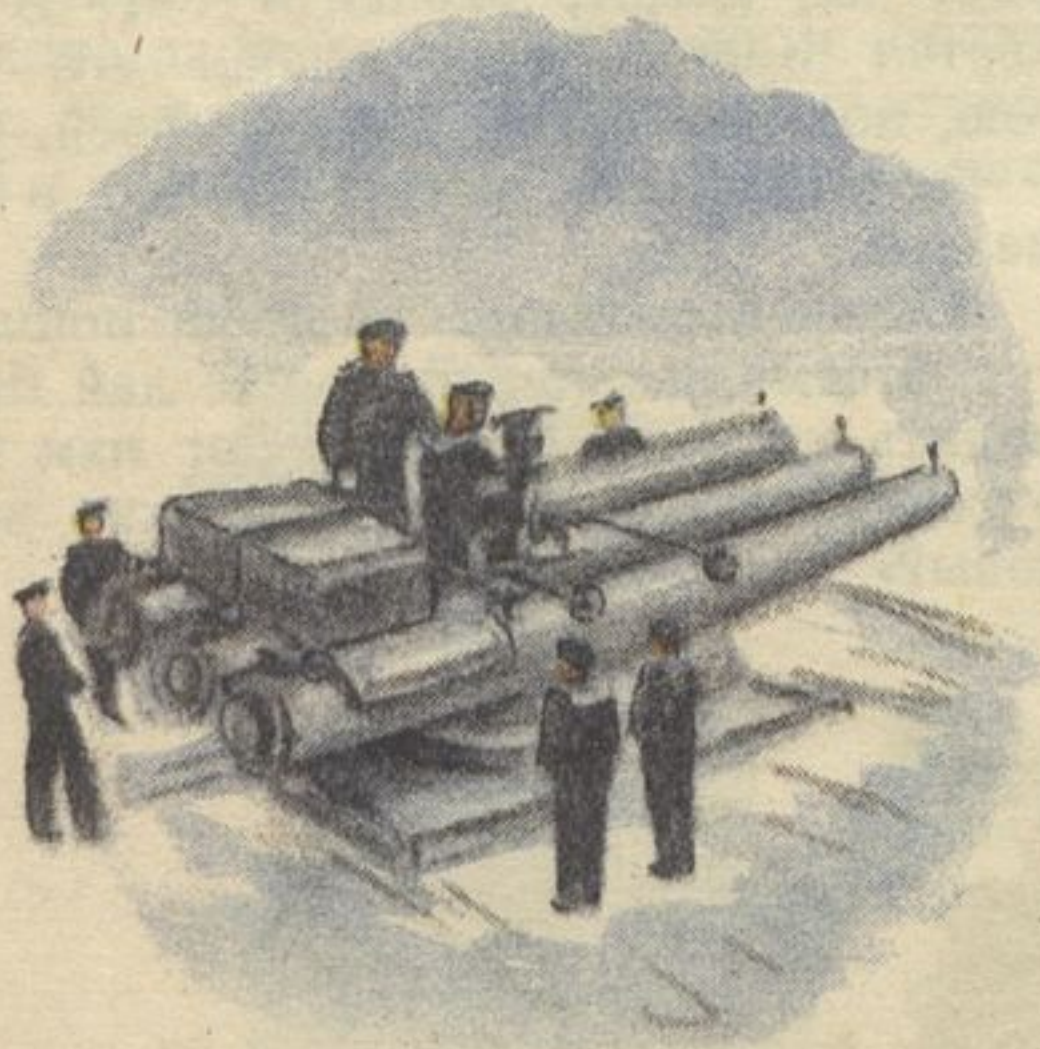
Увидал тут Илья того татарина, что привёз в Киев ярлык Калина-царя. Татарин ростом трёх сажён, промеж плеч у него косая сажень, голова у татарина с пивной

котёл. Схватил Илья его за ноги, и стал он татаринoм помахивать. Куда махнёт—тут и улица, куда отвернёт—переулочек. Сам помахивает да приговаривает: «А и крепок татарин—не ломится, а и жilоват, собака—не изорвется». Тут оторвалась голова у татарина, покатилась да и ударила вдоль по войску татарскому. Бьёт их, ломит, вконец губит. А Илья хватал Калина-царя, сгибал его корчагою, подымал выше головы своей, ударял о горюч камень, расшибал его в крохи мелкие.

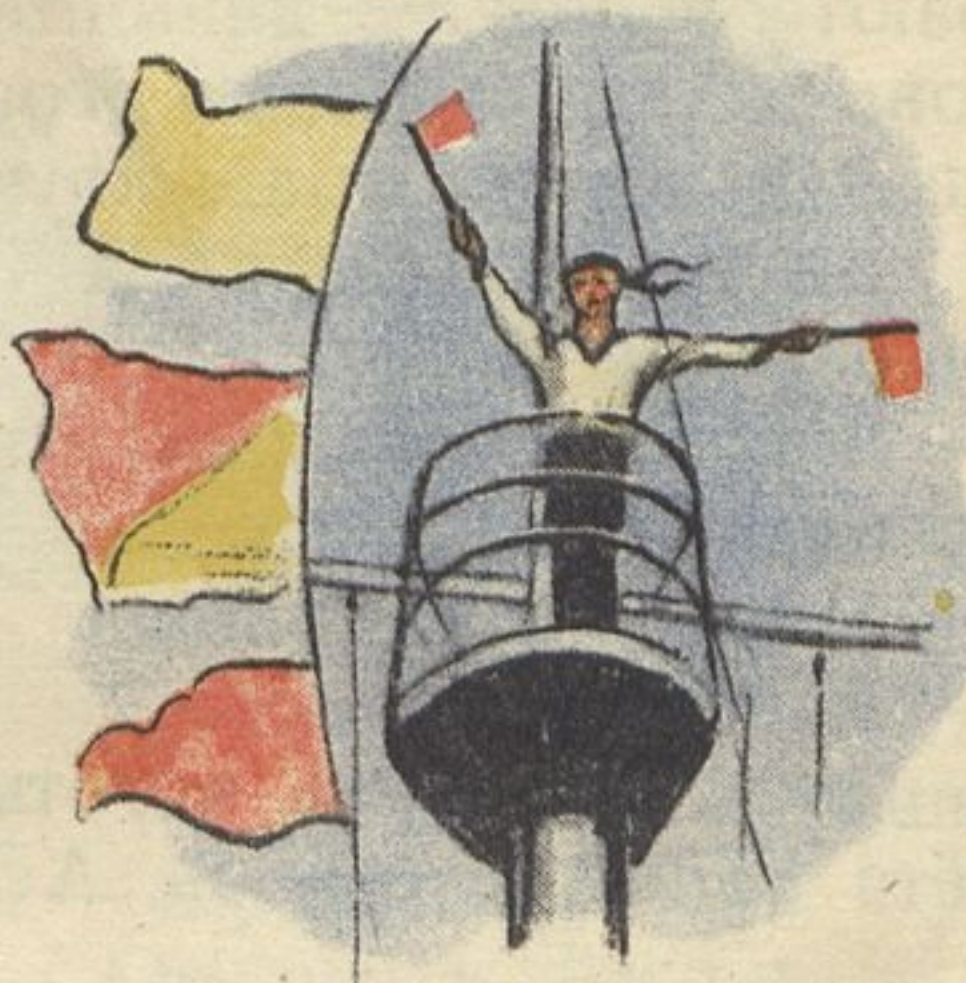
Остальные татары на побег пошли. Бегут, а сами заклинаются: «Не дай бог нам ходить ко Киеву! Не дай бог нам видеть русских людей! Неужто русские все таковы?»

Это юные советские моряки—воспитанники морского училища. На матросских ленточках они носят имя славного русского адмирала Нахимова.
Около ста лет назад Нахимов раз-

бил у Синопа турецкий флот, потеряв всего 38 матросов и не потеряв ни одного корабля. После Синопа Нахимов и его моряки показали невиданное мужество. Одиннадцать месяцев они обороняли Сева-

О В Ц Ы

стополь, осаждённый неприятелем. Адмирал Нахимов погиб, защищая Севастополь. Но имя его прогремело на весь мир.

Наши юные нахимовцы — потомки

Рис. В. БИБИКОВА

Нахимова. Они учатся в морских училищах всему, чему учил Нахимов русских моряков: они изучают морские науки, приобретают ловкость, силу, здоровье, учатся стойкости и бесстрашию в бою.

М А Л Ы Ш А М

Н. ПАВЛОВА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

ПОСЕЯЛИ, ПОСАДИЛИ

Стаял снег. Тётя Маня начала копать в земле. А Тася удивлялась, какие в деревне бывают червяки—длинные и розовые. Тётя сделала в огороде грядки, а возле дома—клумбы. Вот собралась сеять. И Тасе дала пакетик семян.

— А ты что будешь сеять? — спросила Тася.

— Морковку и горох.

— А я что?

— А ты цветочки, ноготки.

Тётя пошла в огород. А Тася

постояла, сходила домой и уже потом пошла сеять на клумбу.

У тёти на одной грядке выросли полоски зелёных волосков.

Тётя говорит: это морковь.

А на других грядках и тут и там вылезли белые петельки.

Тётя говорит: это горох.

А у Таси на клумбе пусто. И Тася что-то молчит.

Немного погодя тётя опять собралась сеять и садить. И Тасе дала пакетик семян.

— А ты что будешь сеять? — спросила Тася.

— Свёклу. И садить картошку.

— А я что?

— А ты цветочки, настурции.

Тётя пошла в огород. А Тася постояла, сходила домой и уже потом пошла садить на клумбу.

У тёти на одной грядке выросли полоски красных язычков.

Тётя говорит: это свёкла.

А на других грядках и тут и там вылезли зелёные букеты.

Тётя говорит: это картошка.

А у Таси на клумбе цветочки не взошли. И Тася что-то молчит.

А когда тётя снова собралась сеять, Тася не берет пакетика.

— Ты сама что будешь сеять? — спрашивает Тася.

— Огурцы и фасоль.

— А мне что даёшь?

— Цветочков незабудок семена.

— Опять мне цветочки!

У Таси на глазах слёзы.

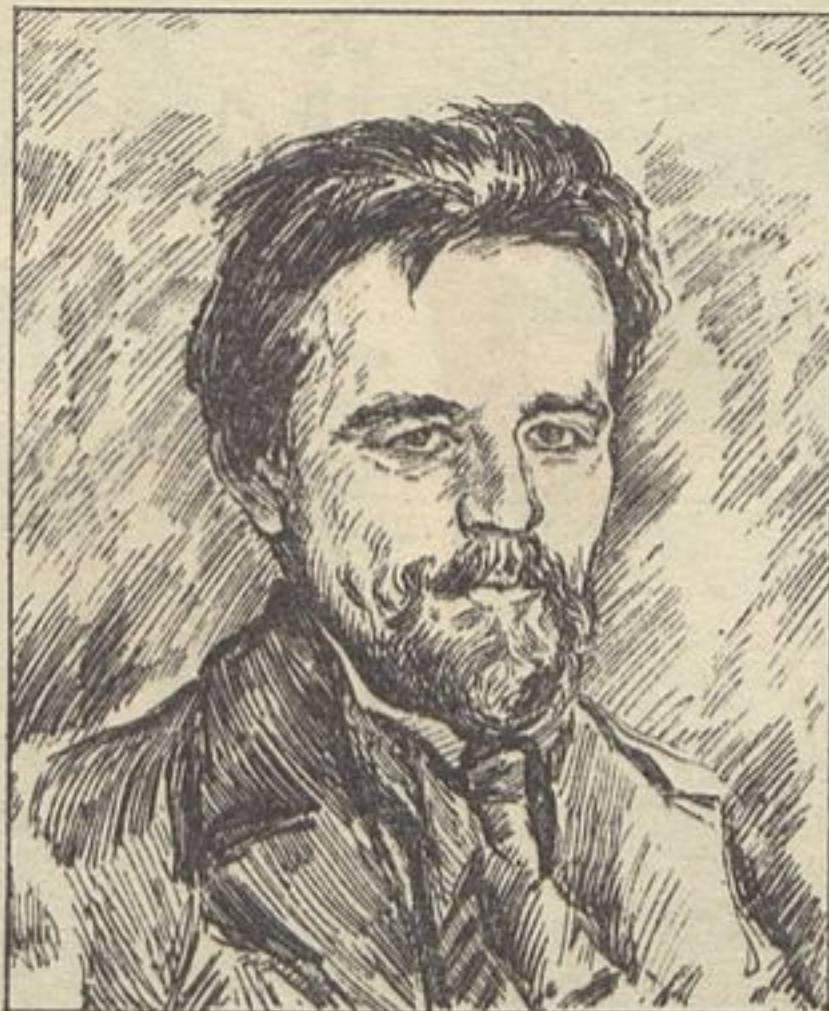
— Да ты что это? Что? Ну, не взошли тогда твои цветочки, а теперь, наверно, взойдут.

А Тася говорит сердито-сердито:

— Я цветочков не сеяла! Буду я их сеять! Ишь, какая хитрая! Сама всё продукты да продукты сеешь, а мне цветочки! Я тоже продукты посеяла. Я манной крупки горсточку посеяла. А потом макаронov посадила. Я не маленькая. Пускай грудные ребята цветочки сеют!

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Антон Павлович Чехов очень любил детей. Он писал им весёлые письма, рисовал смешные картинки и радовался, когда они читали его рассказы. А рассказы его действительно так интересны, что дети их очень любят. Вот и многие из вас, наверное, уже читали такие рассказы как «Каштанка» (о собаке в цирке), «Белолобый» (о любопытном щенке), «Ванька» (о тяжёлой жизни маленького ученика-сапож-

ника), «Мальчики» (о гимназистах, которые собирались бежать в Америку). А тот, кто не читал эти рассказы, тот пусть обязательно их прочтёт.

15 июля исполняется 40 лет с того дня, как умер Антон Павлович. Вся наша страна будет в этот день чествовать память великого русского писателя. Вместе с взрослыми отметьте и вы этот день.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРОХОДЕ

(Из воспоминаний А. Федорова)

Чехов уезжал из Одессы в Ялту.

Мы приехали на пароход проводить его.

Был серый февральский день. Волны холодно и тяжело дышали у гранитной набережной, чуть-чуть покачивали шлюпки и тёрлись у высоких облезлых бортов парохода.

— Антон Павлович, шли бы вы вниз: погода отвратительная.

— Не пойду.

— Не бережёте вы себя.

— Если бы я не берёгся, давно бы меня на свете не было, а я ещё лет десять проживу, — спокойно ответил Антон Павлович. — Я знаю, на то я и доктор...

Он остался на палубе. Как раз в этот день на том же пароходе ехал со своим дрессированным зверинцем в Севастополь клоун Дуров, и Чехов, взяв за руку моего трёхлетнего мальчика, отправился с ним смотреть зверей. Я видел, как он серьёзно наклонился к ребёнку, беседуя с ним и иногда улыбаясь сквозь усы трогательной, ласково-грустной улыбкой. Он очень любил детей, и когда этот мальчик отошел от него на минуту и стал с любопытством заглядывать через борт, Чехов поспешил к нему вместе с матерью ребёнка.

— Бойтесь, чтобы он в море не упал? — обратился к ней Чехов.

— Да.

— А если бы упал?

— Я бы бросилась за ним.

— И я бы тоже бросился, — тихо и спокой-

но заметил Антон Павлович и, положив руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказал больше ничего.

Тон, которым произнёс он эти слова, был так прост и искренен, что не оставалось никакого сомнения в том, что он именно так бы и поступил, как сказал.

В эту минуту на пристани происходила забавная сцена: несколько человек, во главе с самим Дуровым, старались ввести на пароход верблюда.

Огромное неуклюжее животное упиралось и не желало вступить на скользкие от сырости мостки. Ни соблазны, ни уговоры, ни угрозы, ни даже насилие не помогали. Верблюд упорно тяготел к земле и, сделав два-три движения вперёд, поворачивал обратно.

Антон Павлович схватил мальчика за руку.

— Смотри, смотри! Вот потеха-то! Вот потеха-то! — повторял он, с любопытством следя за этой борьбой. — Не пойдёт! Ни за что не пойдёт!

Мальчик смеялся. Чехов смеялся вместе с ним, повидимому, совсем забыв его руку в своей руке.

Когда, наконец, с верблюдом решили распорядиться при помощи лебёдки и, подхватив его, подняли на воздух, Антон Павлович разразился таким заразительным смехом, что все вокруг стали вторить ему.

Верблюд, беспомощно растопырив свои длинные ноги, вытянув симпатичную уродли-

вую голову с растерянными глазами, до крайности смешной фигурой рисовался на фоне серого облачного неба.

— Ведь создаст же господь этакую образину!—сквозь смех вырвалось у Чехова.— Ну и потеха!

— А знаете,—обратился он ко мне,—верблюдов потому так насмешил нас, что он—сим-

патичный, хоть и урод. Потому и ребёнок смеялся, что верблюд ужасно симпатичный.

Дуров, узнав, что этот смеявшийся скромный человек—Антон Павлович Чехов, чтобы доставить ему удовольствие, заставил свою собачонку «Запятайку» проделывать разные фокусы. Я вспомнил чеховскую «Каштанку».

ДРУЗЬЯ ЧЕХОВА

(Из воспоминаний А. Куприна)

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом.

Во дворе жили ручной журавль и две собаки. Надо заметить, что Антон Павлович очень любил всех животных, за исключением, впрочем, кошек, к которым он питал непреодолимое отвращение. Собаки же пользовались его особым расположением. О покойной Каштанке он вспоминал так тепло и в таких выражениях, как вспоминают об умерших друзьях. «Славный народ—собаки!» говорил он иногда с добродушной улыбкой.

Журавль был важная, степенная птица. К людям он относился вообще недоверчиво, но вёл тесную дружбу с Арсением, слугой Антона Павловича. За Арсением он бегал всюду, по двору и по саду, причем уморительно подпрыгивал на ходу и махал растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танец, всегда смешивший Антона Павловича.

Одну собаку звали «Тузик», а другую—«Каштан», в честь прежней «Каштанки», носившей это имя. Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался. По внешнему виду он был толст, гладок и неуклюж, светлошоколадного цвета, с бессмысленными жёлтыми глазами. Вслед за Тузиком он лаял на чужих, но стоило его помянуть и почмокать ему, как он тотчас же переворачивался на спину и начинал угодливо извиваться по земле. Антон Павлович легонько отстранял его палкой, когда он лез с нежностями, и говорил с приторной суровостью:

— Уйди, уйди, дурак... Не приставай!

И прибавлял, обращаясь к собеседнику, с досадой, но со смеющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не поверите, до чего он глуп!

Но однажды случилось, что Каштан, по свойственной ему глупости и неповоротливости, попал под колёса фаэтона, который раздавил ему ногу. Бедный пёс прибежал домой на трёх лапах с ужасающим воем. Задняя нога вся была исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антон Павлович тотчас же промыл рану тёплой водой с сулемой, присыпал ее иодформом и перевязал марлевым бинтом. И надо было видеть, с какой нежностью, как ловко и осторожно прикасались его большие милые пальцы к ободранной ноге собаки и с какой сострадательной укоризной бранил он и уговаривал визжащего Каштана:

— Ах ты, глупый, глупый! Ну как тебя угораздило?... Да тише ты... легче будет... дурачок...

Животные и дети тянулись к Чехову. Иногда приходила к Антону Павловичу одна больная барышня, приводившая с собою девочку лет трёх-четырёх, сиротку, которую она взяла на воспитание. Между крошечным ребёнком и пожилым, грустным и больным человеком, знаменитым писателем, установилась какая-то особенная, серьёзная и доверчивая дружба. Подолгу сидели они рядом на скамейке на веранде. Антон Павлович внимательно и сосредоточенно слушал, а она безумолку лепетала ему свои детские смешные слова и путалась ручонками в его бороде.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

Год издания 21-й

№ 1 (5)

Редактор — Вит. Бианки

Издатель — «Мурзилка»

М Е С Я Ц П Т Е Н Ц О В

Содержание. К читателям. — В нашей стране. — Вести с гор. — Вести с морей. — Вести из степей. — Вести из тайги. — Вести с озёр и рек. — Остроглаз.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Ребята! Двадцать лет назад в журнале «Новый Робинзон» писатель Виталий Валентинович Бианки стал выпускать «Лесную газету». Эту газету читали ещё ваши отцы, которые были и её аккуратными корреспондентами. Те-

перь ваши отцы храбро бьют немцев на фронте. Изучение природы, которым они занимались в детстве, много помогает им на войне. «Мурзилка» решил возобновить издание «Лесной газеты» и с этого номера будет ежемесячно её печатать.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Здесь мы будем печатать свежие новости из леса, степей, с гор, с озёр и рек, из тундры и с морей. Будем рассказывать, как там живут звери, птицы, рыбы, насекомые, деревья, травы, цветы.

Новости эти сообщают нам наши лескоры, степкоры, горкоры и другие разные корреспонденты со всей нашей страны: охотники, рыболовы, учёные и неучёные любители природы, птицеловы, звероловы, грибники, юннаты и просто ребята, которые умеют подметить много интересного в окружающей нас жизни.

Мы приглашаем и всех наших читателей писать нам свои наблюдения. Советуем почаще ходить в лес, на реку, в поле, зорко приглядываться к мохнатым, пернатым, крылатым, хвостатым и бесхвостым жителям леса, полей, садов и земли, и воды, и воздуха.

Ваши интересные письма мы тоже будем печатать в «Лесной газете». Не забудьте только сообщить, где вы живёте, и подписаться.

В НАШЕЙ СТРАНЕ

Родная наша страна так велика, что когда на одном её конце — на западном — ребята только ещё спать укладываются, на другом — восточ-

ном — уже выспались и встают. Да и не только это.

Вот сейчас на севере у нас во многих птичьих гнёздах птенцы только ещё из яиц

вылупились, желторотые ещё, и без мамы ни шагу; в это же время под Москвой они сменили пух на перья и учились летать; а в жарких

степях, на юге, растёт уже второе и третье поколение птенцов, родившихся в этом году.

На островах Северного Ледовитого океана сейчас не до сна зверям и птицам: там ещё не кончился двухмесячный сплошной день, солнце не сходит с неба, трава растёт день и ночь, день и ночь поют птицы. Охотья, промышляй себе еду, собирай запасы, нагуливай жирок на зиму круглые сутки: круглые сутки всё видно, свет и свет.

Белый мишка — полярный медведь — сейчас о сне не думает: целый день тюленей выслеживает, рыбу ловит для себя и своих медвежат. Летом у него бессонница. Скоро уйдёт солнце и уж не покажется всю зиму. Тогда мишка заляжет в свою ледяную берлогу и погрузится в долгую-долгую спячку — выспится всласть за весь год.

А в жарких степях, на юге, в знойной полупустыне нашей Средней Азии наступило самое сонное время. И удав зарылся поглубже в прокалённый сверху солнцем песок, свернулся кольцом — и спит.

У нас в СССР удав? Да разве есть у нас удавы?

Есть! Чего у нас нет — всё найдётся.

Конечно, это не такой удав, какие живут где-нибудь в джунглях Индии или в душных лесах Южной Америки, стерегут добычу, неподвижно лёжа на дереве среди солнечной листвы и ползучих лиан.

Это не те расписные страшилища с фонарным столбом толщиной и длиной с пожарную кишку, которым на обед подавай целого козла или оленя.

Наш удав — степной, под цвет песка. Страшен он только мышам, сусликам да тушканчикам. Потому что ростом он всего с ужа.

Вот этому мышинному людоеду, хочешь — не хочешь, приходится сейчас спать. Как медведю зимой в Ледовитом океане, так ему летом в жаркой степи делать нечего — охотиться не на кого. Давно уже в степи ни дождинки; солнце так палит, что камни трескаются; сухой, злой ветер бьёт в лицо песком, и вся трава засохла, спеклась, рассыпалась в прах. Нигде ни листочка — остались одни колючки. Мыши, суслики, тушканчики — все попрятались, забрались поглубже в тень, носа не кажут наружу.

Нет охоты, и степной удав спит. Спит месяц, другой; ждёт, когда с далёкого севера — от белого мишки с океана — ветер пригонит большую тучу. Туча вспрыснет степь дождём, и пустыня оживёт, сохранившиеся в земле семена и корни пустят новые побеги, между колючками развернутся свежие листья, вылезут из своих норок мыши, крапчатые суслики, быстрые тушканчики.

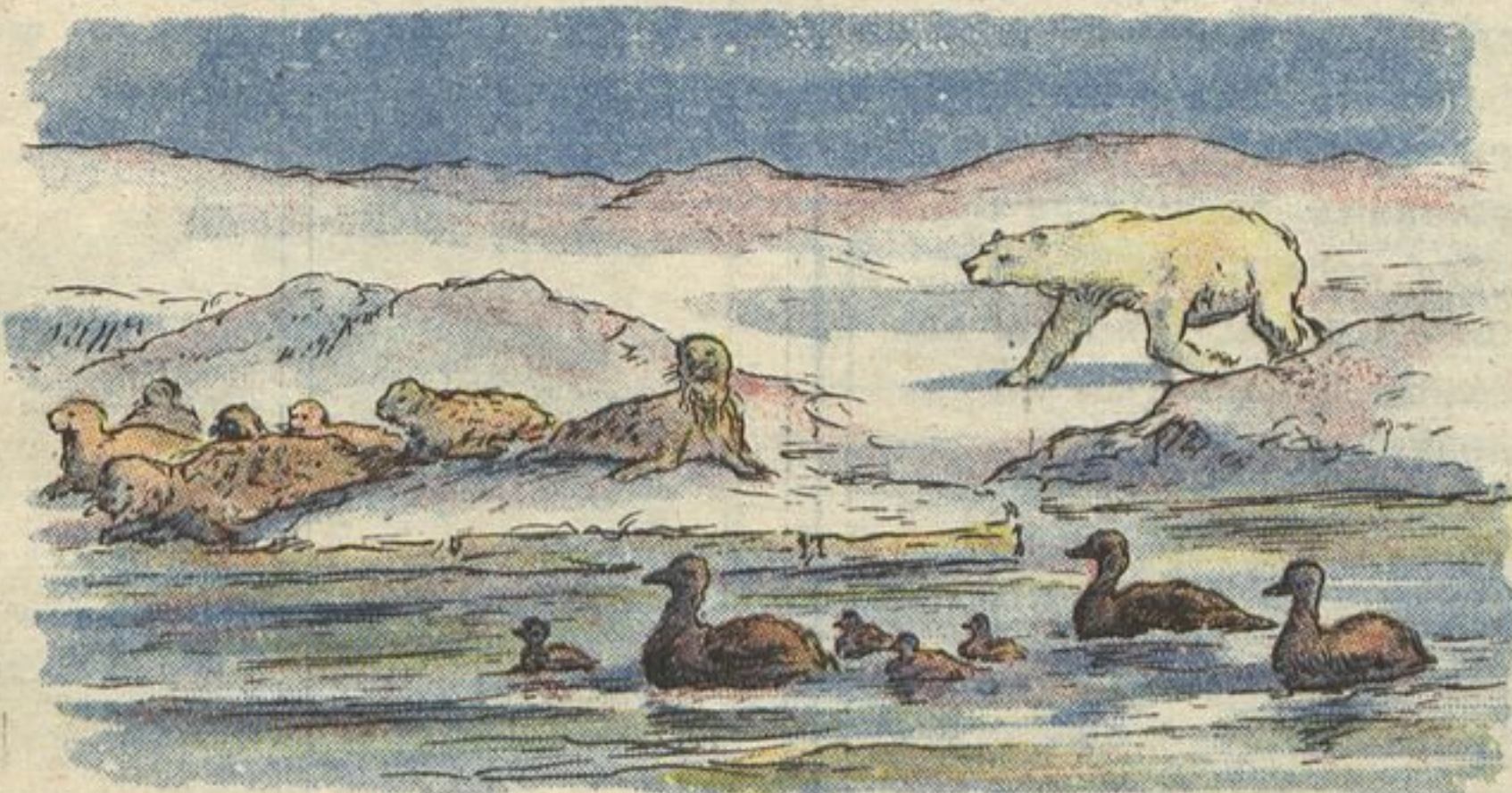
Тогда и удав проснётся.

ВЕСТИ С ГОР

Горные бараны, горные козлы кочуют снизу вверх — всё ближе к вершинам. Там теперь только растаял снег, зазеленела трава. Бурый медведь, и тот, бывает, выйдет из лесу на склонах, взберётся повыше, где голубеет, как в чашу налитое, чистое горное озеро. На берегу, рядом с шёлковой молодой травкой, блестит, переливается разноцветными огоньками нетающий снег. Хорошо летом, в жару поваляться, покататься в нём, повыгнать надоедливых блох из мохнатой пыльной шкуры.

А горные козлы с острыми ребристыми рогами в локоть длиной, горные бараны с толстыми рогами, загнутыми в баранку, уходят ещё выше — на крутые, не доступные медведю скалы.

За горными козлами и баранами поднимается грозный горный кот — пушистый, весь в серых кольцах, длиннохвостый барс.

ВЕСТИ ИЗ СТЕПЕЙ

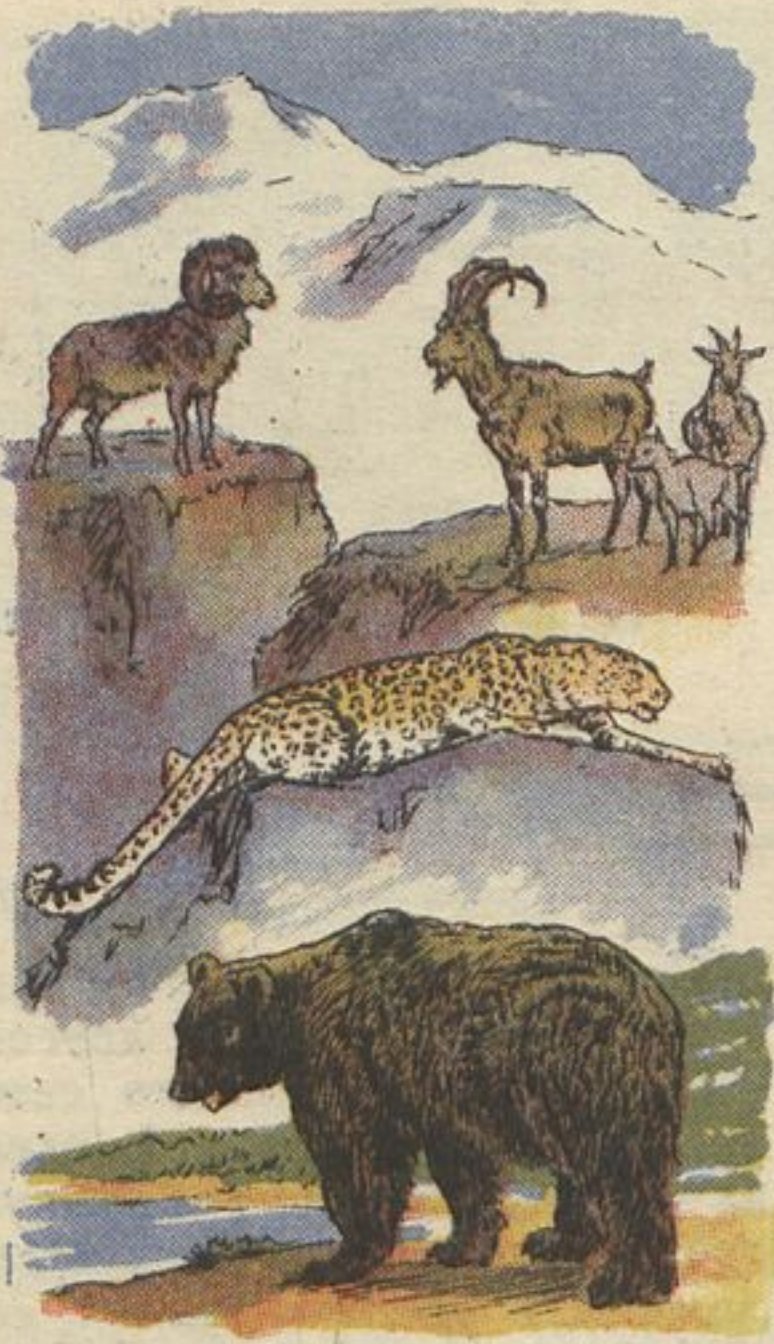
У нас долго не было дождя. Вдруг налетела туча, и полил ливень. Хлётко лил, долго.

В степи у нас живут большие тяжёлые птицы—дудаки называются, или дрофы. Дудак—птица самая сухопутная; у неё нет жирка, как у гусей и уток, которым эти водяные птицы смазывают свои перья. Некуда дудаку спрятаться от дождя в голой степи. И превратился он после ливня в мокрую курицу.

Один охотник-казах, когда ливень кончился, выехал в степь на коне, с арканом. Заметил дудаков, помчался к ним. А они — мокрые, взлететь не могут. Бегом удирать пустились. Да разве от коня убежишь?

Догнал их казах и одного, а потом и другого заарканил.

Большая добыча досталась охотнику — и без выстрела.

А на самой вершине гор по-прежнему сияет, слепит глаза чистейший, белейший снег. Вечный снег и лёд: его не растопит солнцу даже летом, в самый жар.

ВЕСТИ С МОРЕЙ

Наши суда, плавающие в Северном Ледовитом море и в Тихом океане, нередко встречаются китих с сосунками-китятами. Китяткам этим ещё года нет.

Китята у нас — гости. Родились они в далёких — не наших — южных океанах. Родились — и сразу отправились с

мамой в путешествие. Тысячи километров проплыли, чтобы добраться в наши северные моря.

Но им не учиться плавать — они морские звери и насколько не устают, даром что маленькие — всего с корову.

ВЕСТИ ИЗ ТАЙГИ

Наши лескоры ехали на лодке по заболоченной, поросшей травой таёжной речке и чуть не наткнулись на корягу. Вдруг коряга с шумом и плеском выскочила из воды. Глядь — это совсем и не коряга, а огромные, лопатой, с отростками рога сохатого — старого лося. Плеща водой, разрывая травы и корни, как ниточки, с сердитым фырканьем поднялся громадный зверина из реки и ушёл в тайгу.

Он забрался в воду от оводов. На земле он не может от них защититься. А они жалят, прокалывают толстую шкуру и под неё, в живое тело, откладывают свои яички. Ско-

ро из яичек выйдут личинки и, как решето, продырявят шкуру.

Только и спасенье лосю от оводов в воде: заберётся весь в воду, один нос наружу, чтобы дышать можно было.

Лескоры, братья Илюша и Валя, купались в озере, у берега. Налетела стайка пёстрых куличков-камнешарок и рассыпалась по песку.

— Спрячься весь! — скомандовал Илюша: он старший. — И посмотрим, что будут делать.

У ребят остались только головы над водой, и птички, видно, не догадывались, что это люди: плавают в озере какие-то чурбашки с глазами — только и всего.

Кулички разбежались, и каждый, поклонившись всем тельцем на тоненьких ножках, стал суетливо осматривать каждый камешек, каждую щепочку на берегу. Шарили носом, что-то выхватывали оттуда и живо, незаметно проглатывали.

Одна из камнешарок подбежала совсем близко к Вале. Валя не двигался в воде и даже немножко прикрыл глаза, чтобы не испугать птичку.

Тут на берегу лежал целый пласт серой, высохшей тины. Камнешарка сунула под неё голову, упёрлась ножками, — хотела, видно, забраться под него.

Но пласт был велик и тяжёл для неё.

Камнешарка вынырнула наружу, отряхнулась. И вдруг свистнула.

Сейчас же к ней со всех сторон подбежали, мелко семеня ножками, её подружки. Которые были далеко, те подлетели.

Камнешарка опять нырнула под загнутый край тины, и все её подружки рядом.

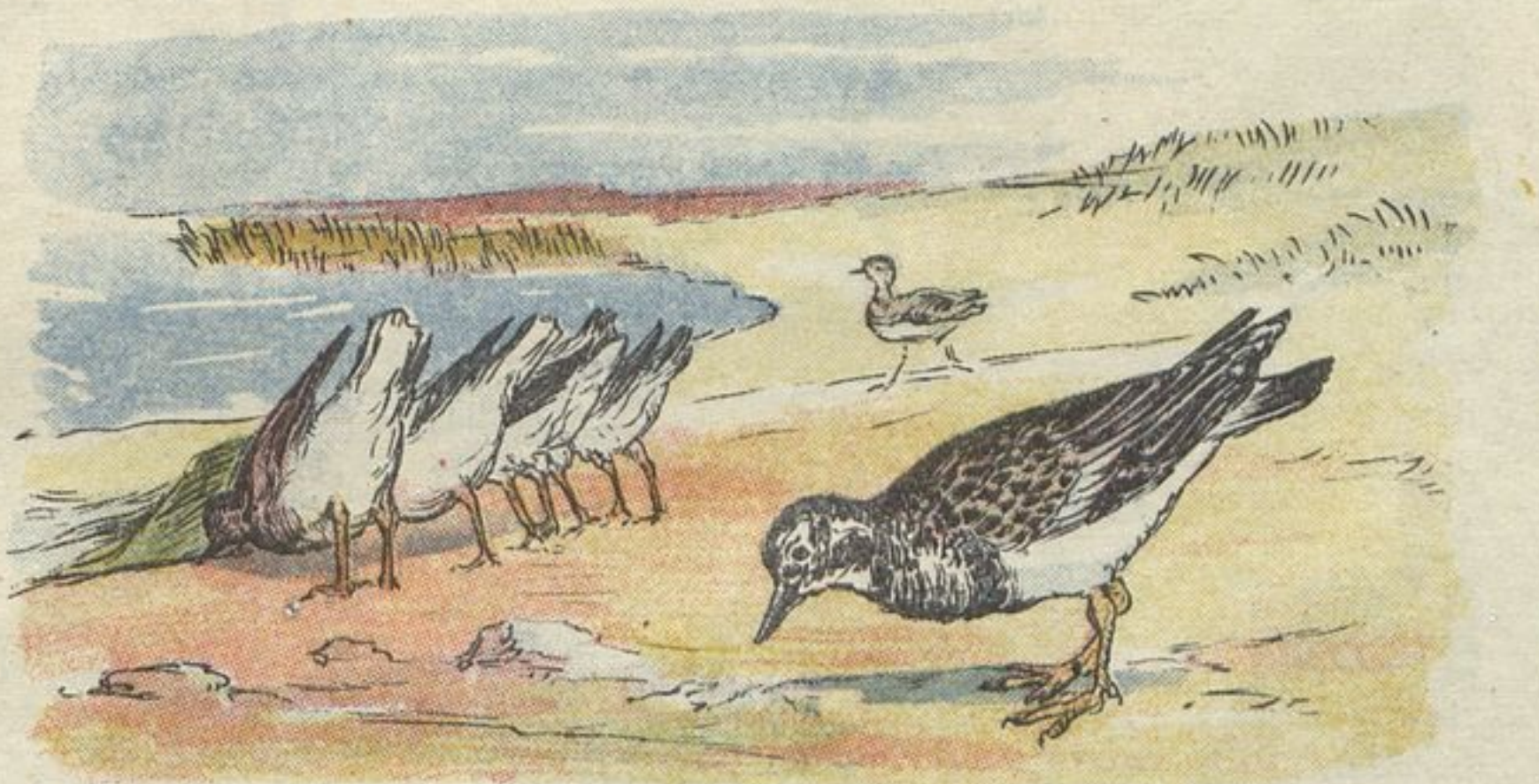
Они напирали все вместе, и пласт приподнялся от их дружного усилия. Большой кусок зелёной, сырой с исподу тины обломился и опрокинулся на песок.

Кулички мигом осыпали его со всех сторон и быстро-быстро заработали носами: тыкали ими в сырую, мягкую подушку тины, шарили там носами, вытаскивали из неё каких-то мелких червячков, слизнячков, букашек.

— Видал? — тихонько спросил Илюша.

— Как человечки работают, — сказал Валя. И не выдержал, очень громко прибавил: — Молодцы ребята!

Камнешарки испугались, вспорхнули и легкой стайкой унеслись дальше по берегу.

Остроглаз

ЗАГАДКА

Кто мать, кто отец, кто ребятки?

В этот месяц — месяц птенцов — на прогулке в лесу и в поле или когда идёшь купаться на реку, ты, верно, не раз встретишь какого-нибудь птенчика. Он беспомощно тычется под каждый куст и кочку, хочет убежать от тебя, да ножки слабы, а летать он ещё не может. Такие нередко попадают на глаза.

Чаще всего это отбившийся от родителей глупый птенчик — несмыслёныш. Мать и отец его уже издали увидели тебя и поспешили увести своих ребят в сохранный место или велели им

плотно припасть к земле, смиренно лежать — не шевелиться и не пикать. Ты пройдёшь мимо них и не заметишь.

А этот зазевался, отстал, потерял свою маму и теперь не знает, что с собой делать, куда себя деть, где спрятаться от тебя — двуногого страшного великана.

Ты, конечно, сразу его поймаешь. Будешь держать в руках, рассматривать его и гадать: «Кто же ты, такой маленький? Какого роду-племени? И где твоя мама?»

Не спрашивай его, не спра-

шивай, — он всё равно не ответит. Только плачет со страху так громко, жалостно — видно, зовёт свою мать.

Тебе и самому захочется вернуть его к маме, да вот вопрос: кто она?

Тут разинешь рот: как быть?

А ты закрой рот и разинь глаза.

Трудная задача — догадаться, кто он, кто его мать: ведь маленькие так не похожи на своих родителей. А у птиц ещё часто папа и мама так не похожи друг на друга.

Но если хорошенько присмотреться к птенчику и подумать — узнать, кто он, кто его папа и мама, всё-таки можно.

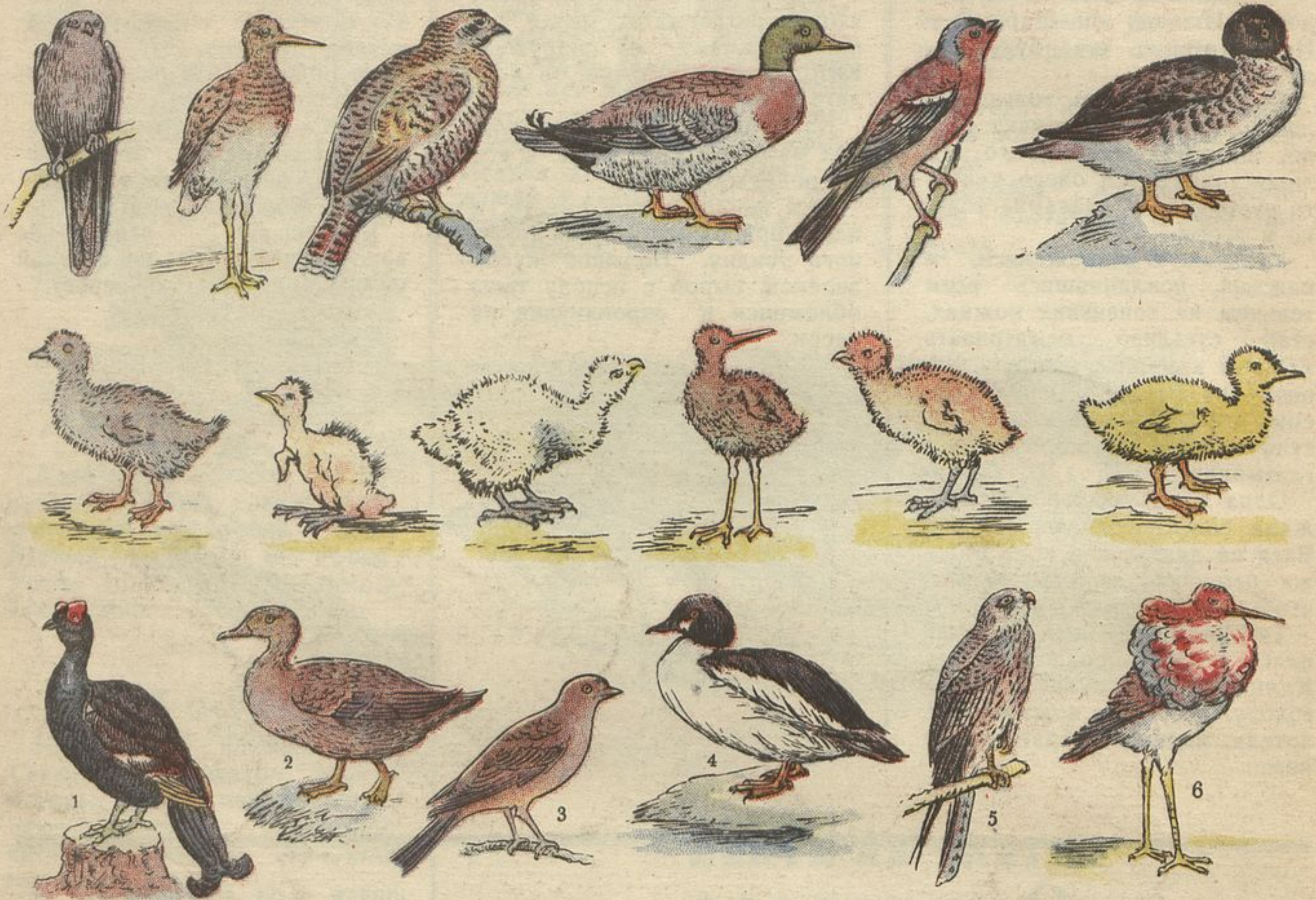
Вот мы тут нарисовали целую кучу — шесть штук — заблудившихся, потерявших своих родителей птенцов. Они ты-

чутся носами в разные стороны и не знают, куда им бежать. Вверху и внизу на картинке птицы — мамы и папы. Но они молчат, и как тут понять маленьким, где искать своих родителей.

А ты посмотри, подумай — и помоги им.

Найди каждому птенчику его отца и мать и запиши, в каком порядке надо нарисовать все шесть разных пород птиц, так, чтобы у каждого птенчика

слева был его отец, а справа — мать. А всего лучше — перерисуй сам нашу картину так, чтобы все птенчики нашли своих родителей. Мы же только скажем тебе, на что надо обратить внимание.

№ 1. Тетерев-косач. Видишь, какой у него хвост — с косицами? Но ты на хвост не гляди. Ты гляди на ноги и нос. Ищи с такими же ногами и носом его жену — тетёрку и птенчика — тетеревёнка.

№ 2. Кряковая утка — мама. Утка с носка плоска. Утёнок её и селезень — тоже. И между пальцами у них у всех перепонки. Хорошенько приметь, какие у них перепонки; у нырков тоже лапы с перепонками,

только не совсем такими. Смотри на задний пальчик.

№ 3. Зяблик — мама. Как у всех певчих птиц, птенчики у неё выклёвываются из яиц маленькие, голые, совсем беспомощные. Сам зяблик похож на жену фигурой, хвостом, ростом, — только перья его совсем других цветов.

№ 4. Нырок-гоголь. Зорко всмотришь в его нос и перепонки на лапках. Ищи такие

же у его утёнка и утки. Да не спутай с крякками.

№ 5. Сокол-кобчик — мама. У хищных птиц мамы больше пап. Носы у них хищные, крючком, лапы когтистые. Такие же лапы и нос у маленького, смешного, пушистого соколёнка.

№ 6. Кулик-турухтан. Видишь, какой голенастый! И тонконосый. Такие же голенастые, тонконосые у него птенчик и самка.

Картинки к «Лесной газете» рисовал М. ДОБРОВ.

Год издания двадцать первый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), Т. Я. КАРПИНСКАЯ, Л. М. КВИТКО, В. В. ЛЕБЕДЕВ, М. Н. СКАТКИН, К. А. ФЕДИН. Художественный редактор С. М. АЛЯНСКИЙ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 16/VI 1944 г. Л55530. Объем 2,5 печ. л. 2,3 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 296.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.